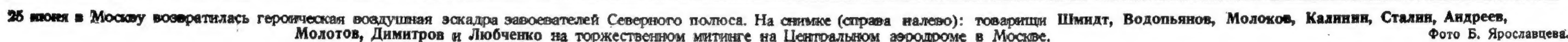

Цена 30 коп.

только после того, как силы человека освобождены от угнетения, от эксплуатации. (Аполлодисменты). Только после Великой proletарской революции, только в условиях победоносного социалистического строительства эта победа над природой могла быть одержана. Этой победы нам бы не удалось одержать, если бы не был так могуч и силен Советский Союз, если бы не было у нас такой изумительной промышленности. Наши прекрасные

только после того, как силы человека освобождены от угнетения, от эксплуатации. (Аполлодисменты). Только после Великой proletарской революции, только в условиях победоносного социалистического строительства эта победа над природой могла быть одержана. Этой победы нам бы не удалось одержать, если бы не был так могуч и силен Советский Союз, если бы не было у нас такой изумительной промышленности. Наши прекрасные

**Герой Советского Союза
М. ВОДОПЬЯНОВ**

лось одержать, если бы не был так могуч и силен Советский Союз, если бы не было у нас такой изумительной промышленности. Наши прекрасные

Окончание см. на 2-й стр.

Митинг на Центральном аэродроме им. Фрунзе

Начало см. на 1-й стр.

Машины сделаны так умно, так прочно, что их нельзя не уважать, даже Северный полюс должен был отнестись к ним с уважением! (Аплодисменты).

А люди Советской Страны! Конечно, мы подбирали людей друг к другу. Но мы все — 10 с лишним человек — слепок со многих тысяч сынов нашей Родины. Мы — простые советские люди, преданные своей стране, верные ученики партии. В этом наше качество. Это партия воспитала в нас те черты, без которых силами природы не овладеть. Это она воспитала в нас ясное понимание цели, силу характера, уверенность в победе и преданность тем высоким идеям, которыми мы руководствовались, следуя указаниям партии. Если бы не эти черты, то и нас полюс не стал бы уважать. А полюс знал, кому покориться. Он веками ждал нас, советских людей! (Аплодисменты).

Могучая техника, большевистское воспитание в закалка, которые дала нам партия, ясность цели, планомерная многолетняя работа над освоением Арктики — все это воплощается в имени человека, который всех нас ведет от победы к победе, который детально начертил на много лет план работы в Арктике, послал нас туда и наполнял наши сердца горячей верой и огромным счастьем. Это — товарищ Сталин! (Бурные аплодисменты, крики «ура»).

Может быть не все знают, что товарищ Сталин, занятый огромной своей работой, уделял много внимания Северу, что по личной инициативе товарища Сталина был создан особый государственный орган для освоения Севера, даны все необходимые материальные средства и люди для выполнения этой задачи. И руководил этим делом товарищ Сталин.

РЕЧЬ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. М. В. ВОДОПЬЯНОВА

Товарищи, мы вернулись в нашу прекрасную столицу, выполнив задание. Были на Северном полюсе. Сидели там, ждали нас. Сидели в спальных мешках, но чувствовали себя там хорошо. Оторванности мы не чувствовали. Шутка сказать, как у нас были оборудованы машины: мы с Северного полюса по прямому радиотелефону разговаривали с Москвой.

Если бы не были так хорошо оборудованы самолеты, если бы не была так подготовлена люди, конечно, трудно было бы нам выполнять задание.

Меня спрашивали, когда я готовился к полету: «Как ты полетишь на полюс и как ты там будешь сидеть? А вдруг сломается машина — пешком то далеко идти?» (Смех). Я говорю, что сяду. Если поломает, пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь; товарищ Сталин не бросит человека! (Крики «ура», бурные аплодисменты).

Прежде, чем полететь на полюс, мы перечитали все книги об экспеди-

непрерывно поощряя нас, когда надо, удерживая, когда мы излишне увлекались.

Это руководство, эту человеческую заботу, эту теплоту мы чувствовали ежедневно. Сталинское задание, сталинский стиль работы, которому мы старались подражать, — это были движущие силы на нашем пути. Не было для нас, чтобы мы в своих беседах, возвращаясь мысленно к родине или думая о трудностях, которые нам предстояло преодолеть, не вспоминали о товарище Сталине.

А когда радио донесло до нас весть о злодейских преступлениях, которые пытались совершить фашистские выродки против нашей страны, против нашей партии, против нашего вождя, наши сердца вместе с трущими всеми всей страны закипали злобой, и мы так же, как и весь советский народ, не пожалели бы ни крови, ни жизни для защиты своей социалистической родины.

Товарищи! Работа в Арктике еще не кончена. Заложена очень серьезная основа, но еще многое надо сделать. Мы знаем, что и в дальнейшей нашей работе мы будем чувствовать такую же поддержку всей страны, такое же мудрое руководство нашего правительства, нашего Центрального Комитета партии. Мы все отдадим буйной работе, чтобы извлечь всю необходимую пользу из того шага, который мы сделали. Мы возведем дело до конца. Полюс будет действительно давать все, что может дать природа освобожденному человечеству. Тому порукой то, что мы работали, работаем и будем работать под руководством товарища Сталина! (Бурные аплодисменты, возгласы «Да здравствует товарищ Сталин! Ура»).

Товарищи, мы вернулись в нашу прекрасную столицу, выполнив задание. Были на Северном полюсе. Сидели там, ждали нас. Сидели в спальных мешках, но чувствовали себя там хорошо. Оторванности мы не чувствовали. Шутка сказать, как у нас были оборудованы машины: мы с Северного полюса по прямому радиотелефону разговаривали с Москвой.

Если бы не были так хорошо оборудованы самолеты, если бы не была так подготовлена люди, конечно, трудно было бы нам выполнять задание.

Меня спрашивали, когда я готовился к полету: «Как ты полетишь на полюс и как ты там будешь сидеть? А вдруг сломается машина — пешком то далеко идти?» (Смех). Я говорю, что сяду. Если поломает, пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь; товарищ Сталин не бросит человека! (Крики «ура», бурные аплодисменты).

Прежде, чем полететь на полюс, мы перечитали все книги об экспеди-

СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ -- УЧАСТНИКИ ЗАВОЕВАНИЯ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Л. БРОНТМАН

Л. Бронтман появился в «Правде» много лет назад, будучи студентом университета.

Выполняя первые несложные поручения редакции, он еще не знал, что профессия журналиста-информатора станет его любимым делом.

Работа сразу понравилась ему и задала ему.

Огромный и разносторонний мир вдруг раскрылся перед ним, и он с жадностью знакомился с ним — с работой на заводах и фабриках, в тракторной промышленности, в промышленности транспорта, с культурно-воспитательной деятельностью профсоюзов и клубов, с победами на полях спортивных состязаний и со всеми другими, многообразными, но одинаково интересными, темами газетной информации.

Синий комбинезон со штанами, вышитыми вышивкой, спецодежда, специальные очки в защиту от пыли, парусиновые или кожаные шлемы, плотно облегающий голову, — и газетчик отправился в далекий путь, через всю страну, по всем дорогам, в караванские пещеры.

Л. Бронтман выпустил по окончании этого знаменитого автомобильного пробега книгу.

Тяжелая шуба, меховая шапка с длинными наушниками, огромные рукавицы, — и газетчик отправился в полярную экспедицию, на ледоколах, вдоль северных берегов родины.

Теперь он пробыв в таком же полярном обмундировании с летней экспедицией, завоевавшей Северный полюс и оставившей на льдах первую

советскую дрейфующую зимовку. Он находился в экспедиции во все время ее подготовительных работ, он участвовал во всех ее перелетах, он побывал на Северном полюсе и теперь возвратился в Москву с завоевателями неприступных точек земли.

Советский газетчик, он не только информировал свою газету и своих читателей о ходе экспедиции, но был также и деятельным ее участником, энергичным членом коллектива, победившего Север.

Э. ВИЛЕНСКИЙ

Журналист, сотрудник «Известий ЦИК СССР и ВЦИК», Виленский — один из тех людей, которые, раз побывав в Арктике, навсегда решили связать с ней свою жизнь и работу.

И когда, после первой арктической экспедиции на ледоколе «Садко», Эзра Виленский появился в редакции «Известий» одетым в скромный морской костюм, товарищам по работе было ясно: Виленский «заболел» Арктикой.

И действительно, интерес к далеким полярным морям, неизведанным землям, к борьбе с природой Арктики по-настоящему захватил Виленского.

Написанная им совместно с журналистом Черненко книжка очерков «Высокие широты» посвящена арктической теме. Отдельные главы на этой книжке появились в журналах «Молодая гвардия» и «Новый мир».

Теперь, после возвращения из героической экспедиции на Северный полюс Эзра Виленский напишет новую книгу — о завоевании белых пятен на «вершине мира», о людях, с чьими именами связаны величайшие победы Советского Союза в Арктике.

Д.-И.

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Время и пространство побеждены

— Нет таких крепостей, которых бы не могли бы взять, — сказал великий и мудрый штурман социалистической революции товарищ Сталин.

— Да, нет таких крепостей, — ответил вся наша великая страна, родина наших героев, как участники завоевания Северного полюса, и таких, которые сделали величайший прыжок на СССР в Северную Америку.

Что же можно сказать теперь, спустя несколько дней после того, как наша любимая родина заставила о себе говорить весь мир?

Все это замечательно, и замечательно настолько, что иногда наша советская действительность, наши дела, наши победы, превращаются в легенды, кажутся просто сказкой. Но волшебство на свете не бывает, есть люди, есть кадры, которые решают все.

Шмидт, Чкалов, Водопьянов, Беляков, Молоков, Байдуков, Папанин, Крекель и еще десятки других преданных людей нашей страны, — это живые люди, это мы с вами! (Сталин).

Время и пространство побеждены. Северный полюс, зимовка на дрейфующей льдине, грандиозный перелет

Москва — Соединенные Штаты Америки — это наши дни, это наша действительность.

А вчера? Вчера было по-другому. Вчера километры пожарили миллионы минут, тысячи часов, сотни суток. И когда вспомнишь, что переход русской эскадры в дни японской войны 1905 года на Кронштадт в воды Дальнего Востока, накануне боя Вунсинга, заняла целых 8 месяцев, а перелет СССР — Северная Америка всего только 63 часа, — сразу чувствуешь разницу между тем, что было вчера и что есть сегодня.

Только мы, только наша великая социалистическая родина, только вышедшие из нас люди могут совершать героические дела во имя победоносного пролетариата, во имя всего человечества, во имя науки, во имя постоянного движения вперед.

Я уже не молод, но события сегодняшнего дня делают меня юным, дают мне неиссякаемые силы для творческой работы писателя, воюют с боя за будущее нашей замечательной родины.

Что сказать еще? Мой горячий привет сынам великого Союза ССР — летчикам и зимовщикам, людям, которых воспитал и вдохновил наш родной Иосиф Сталин!

В. ШИШКОВ

Слава им!

Мы живем в окружении сказочных событий. Факты, один ярче другого, заполняют золотые страницы культурного развития Страны Советов.

Еще вчера недоступная твердыня Северного полюса сегодня завоевана нашими героями воздуха. А на восток, через Северный полюс, на крылатой птице, знаменующей мощь нашего Союза, Чкалов, Байдуков и Беляков беспосадочно летят в другое полушарие и благополучно опущаются на материк Северной Америки, великим истолком предостережения партии и правительства и удовлетворения своей неистребимой страсти к героическому полету.

От Москвы до Америки их волшебную птицу летал не мертвый бегун, а горячая живая кровь, пылающая доблесть, точное знание своего дела, несокрушимая сила воли и настоящая любовь героев воздуха к своей родине.

Они и мы подобны являются надежным пилотам, ведущим людей к заветной цели — к всечеловеческому счастью.

Слава им!

Ленинград.

М. ШАГИНЯН

ПРИШЛО ВРЕМЯ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТНИХ МАСШТАБОВ

Нельзя и невозможно представить себе развитие человечества без освоения полюса.

Нельзя и невозможно представить себе, чтоб этот новый шаг в развитии человечества, освоение полюса, был сделан не самой передовой исторической силой в мире — партией большевиков, и не гениальными советскими летчиками и учеными, а кем-нибудь другим.

Мы — в преддверии того неслыханного будущего, когда летние птицы социализма, одна за другой, словно сверхзвуковые ракеты из пламени, будут взлетать и влетать в неизлечимые и неизведанные пространства, делая их все более простыми, все более доступными для человеческой мысли и чувства. По тому что пришло время для переосмысления и изменения тысячелетних масштабов, как оно пришло для изменения норм нашей трудовой производительности.

ЛАХУТИ

Слава краснокрылому соколу

По тропам злобы и коварства японский соглядатай бродит. Ногою наглою пытался рубеж советский перейти. Но в сердце черное шпиона карающая пуля влетит. И грозный штык краснорылец встает у вора на пути.

Советский сокол краснокрылый через неслыханные грани Перелетел, и в самом сердце Америки нашел приют. Скажи разбойникам японским и их учредю — Германия: Вот так за рубежом чужие победы наступлю лут!

Перевела с фарси БАНУ.

Л. ДЛИГАЧ

Москва — Северный полюс — США

Родина, — мы говорим,

и снова

Все сердца обращены к тебе,

Каждого волнует это слово,

Как рассказ о собственной судьбе.

В час, когда настороженной вдрево

Слушаешь полета ровный гром,

Сердце,

беспокойное,

живое

Учащенно бьется под ребром.

И тому, кто шел сквозь рев

норя-оста,

Сквозь туман и стужу — по

прямой,

И хочу сказать тепло и просто:

— Здравствуй, соотечественник

мой,

Потому что есть на свете слава,

Как зря, вставшая во мгле, —

Право видеть наше небо,

Право

Жить на нашей молодой земле!

В самом черном пламени позора

Навсегда истлел имени

Тех, кто злою ежился от зора

Твоего, любимая страна.

Счастливы тот, кому дано открыто

Родине своей смотреть в глаза!

Сколько туч прошлепало жарито,

Сколько раз встречала нас гроза!

Пройден путь

прямой,

суровый,

длинный.

Как наметил сталинский пунктир.

Ты плота вышел из кабинки,

Новый Свет глядит на новый мир.

Вновь раскрылись тысячи

блокнотов,

Объективы вновь наведены —

Трех бесстрашных сталинских

пилотов

Две великих чувствуют страны.

Родина, — мы говорим,

и снова

Все сердца обращены к тебе,

Каждого волнует это слово,

Как рассказ о собственной

судьбе.

По какой невиданной дороге

Довелось пройти большевикам, —

И «герои» Герники в тревоге —

Руки так и тянутся к штыкам.

Надо их предостеречь от риска,

Пусть запомнят, что в суровый

час

Будет нам до них довольно близко,

Как сейчас им далеко до нас!

В. ГЕРАСИМОВА

Роман с продолжением

Мировая литература неоднократно и настойчиво обращалась к теме личностей, к теме предопределения человека, к теме сил природы.

Если взять автора, наиболее близкого к нашему мироощущению, — Джека Лондона, то нетрудно заметить в его творчестве одну странную особенность: его замечательные рассказы и повести, посвященные мужеству человека, обрываются именно там, где человек выходит победителем.

В большинстве случаев они обрываются и фабульно. В некоторых случаях он пытался отобразить дальнейшую жизнь своего счастливого победителя, но тогда страницы эти рождались обескровленными, бледными, иногда поражали странной, не идущей ко всему мужественному облику этого прекрасного писателя дилетантской сентиментальностью.

В индивидуалистическом корыстолюбии мире самым пленительным, поразительным изображением художника было изображение его искусства, его игры с судьбой, как называл это Джек Лондон. Этот процесс проявления всех душевных и волевых сил человека был гораздо более заманчивым, чем конечные результаты, к которым приходил этот подвиг в условиях капиталистического мира.

Что собственно мог предложить капиталистический мир героическому подвигу исследователя, летчика, мореплавателя? Маленькое счастье в уютном коттедже с любящей женой и любимым чаем. Все это прерывалось мимолетным индивидуальным счастьем, который нередко приводил к таким ошеломляющим катастрофам, как катастрофа дома Линдберга.

В плане же общественном оно ничто, что завоеванное кровью открытие будет захвачено опытными и грязными руками финансовых дели-

цов, предпринимателей, корыстных монополистов.

Вот почему сам процесс победы куда больше занимал пень героев Джека Лондона, чем конечные результаты этой победы.

В этом положении герой страны социализма. Огромнейшие перспективы открывают путь первой стальной ласточки «АНТ-25». Уже сейчас Герой Советского Союза тов. Водопьянов по горячим следам выдвигает смелый план перелета через Северный полюс в Америку целого звена наших стальных птиц. Уже сейчас в стране социализма разрабатываются планы наиболее полного и богатого исследования вновь открывшейся трассы.

Нужно ли говорить, какое научное, культурное и, наконец, чисто практическое значение имеет грандиозный перелет советских летчиков. И разве солидный успокоительный заканивается личная судьба этих трех замечательных летчиков? Интересно общество, составная часть которого они являются, открывает перед ними дальнейший блестящий путь и побед, перед которыми меркнет маленькая мечта среднего человека капиталистического мира, мечта об упокоении, об уютном коттедже.

Блестящий роман из жизни неопытного. Мы можем только догадываться, какое количество замечательных страниц будет содержать он.

Потому мы с удовольствием унылой не откладываем книгу, мы только с увлечением начали ее читать. Это живая каждодневная радость для всех нас. Это неиссякаемый источник энергии, силы, изобретательности и новых достижений для наших любимых героев.

Законы романа с счастливым концом опровергнуты. Здесь не ставится точка и не следует слащавая мелодрама. Замечательное произведение идет по восходящей.

ВМЕСТЕ СО ВСЕМ НАРОДОМ ЖДЕМ ГЕРОИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДИНИЙ

Обращение советских художников и скульпторов к советским литераторам и поэтам

Каждый день приносит миру все новые и новые доказательства роста сил, богатства и могущества советского государства. Завоевание Северного полюса нашими отважными героями-летчиками и исследователями Арктики во главе с Отто Юльевичем Шмидтом, Героем Советского Союза М. Водопьяновым, И. Папаниным и др. и только что совершенный нашими героями-летчиками т. Чкаловым, Байдуковым, Беляковым — беспримерный перелет Москва — Северный полюс — Северная Америка наглядно говорят о том, что сынам нашей социалистической родины не страшны никакие преграды, что под руководством нашего великого, любимого всеми тружениками вождя товарища СТАЛИНА мы достигнем еще новых, еще более замечательных побед.

Со злобой и яростью глядят на нас распристалистые страны наши тайные и явные враги. Нет такой полести и мерзости, которую они не были бы готовы нанести нашей родине. Процесс военно-шпионской банды Тухачевского и К° показал еще раз, что каждому честному гражданину СССР необходимо еще более усилить свою бдительность, еще более укрепить обороноспособность нашей родины. Это прекрасно почувствовал советский народ, который в ответ на гнусную вылазку шпионской шайки обратился к правительству с предложением о выпуске специального займа укрепления обороны СССР.

Советские художники и скульпторы приветствуют постановление правительства о выпуске этого займа и все, как один, безоговорочно примут участие в его размещении.

Орденосцы — заслуженные деятели искусства:

А. ГЕРАСИМОВ, И. РАБИНОВИЧ, Ф. ФЕДОРОВСКИЙ, орденосцы — Ф. РЕШЕТНИКОВ, заслуженные деятели искусства: С. ГЕРАСИМОВ, Б. БАШКЕВ, И. ПАВЛОВ, П. КУЗНЕЦОВ, Б. ЕФИМОВ, И. ГРАБАРЬ, Е. КАЦАН.

Художники: Г. РАЙСКИЙ, Н. ДЕНИСОВСКИЙ, Г. САВИЦКИЙ, Б. ИОГАНСОН, П. СОКОЛОВ-СКАЛА, Ф. БОГОРОДСКИЙ, А. ГОЛЬДШЛЯК, КУКРЫНИНСЫ (ВУЛГЯРЬ, ГОВ, КРЫЛОВ, СОКОЛОВ), П. ОСИПОВ, А. КАНЕВСКИЙ, Г. ШЕГАН.

Скульпторы: заслуженный деятель искусств В. ДОМОГАЦКИЙ, И. ЕФИМОВ, С. МЕРКУРОВ, И. МЕНДЕЛЕВИЧ, И. ШАДР, В. АНДРЕЕВ, Г. МОТОВИЛОВ, С. ТАВАСИЕВ.

Писатели выполняют свой долг перед родиной

Группком драматургов готовится к проведению подписки на «Засем укрепления обороны СССР»

Группком драматургов начал подготовку к проведению подписки на «Засем укрепления обороны СССР», непрерывно запрашивая группком о возможности оформить подписку теперь же.

Жены драматургов также включились в кампанию по новому займу.

Группком драматургов до сих пор нецелесообразно всех писательских организаций. Три года подряд он премируется расходом за успешную работу по займам.

Несмотря на то, что количественный состав группкома уменьшился за последние 2 1/2 года на 135 человек, сумма подписки на займы не только не уменьшилась, но значительно увеличилась. Так, в 1934 году группком собрал по подписке 118 тысяч рублей, в 1935 г. — уже 180 тысяч, а подписка на заем 1936 г. достигла 222 тысяч рублей.

Об огромном энтузиазме авторов свидетельствует тот факт, что уже теперь, до открытия официальной подписки на заем, поступают заявления о желании подписаться на заем.

Собирающиеся уехать драматурги

В издательстве «Искусство»

Коллектив издательства «Искусство» ведет подготовительную работу к проведению подписки на заем. Выделены докладчики на митингах, работники по оформлению подписки, составляются списки сотрудников, находящихся в отпусках, в командировках, в т. д. Работники издательства надеются с честью выполнить свой долг перед родиной.

В. П. ЧКАЛОВ

ИЗ КНИГИ «ТРИ ДНЯ В ВОЗДУХЕ»

КАК Я СТАЛ
ЛЕТЧИКОМ

Если бы двадцать лет назад мне сказали, что я буду летать, я бы не поверил.

Детство мое прошло в небольшом селе на берегу Волги, называлось село — Васильевский аэропорт. Зимой здесь ремонтировали пароходы. В этом сезоне работал мой отец, котельщик. Здесь начал работать и я. Мне было тринадцать лет.

Я помню себя здоровым, задорным мальчиком в старом отцовском пальто и в отцовских валенках. Ляпо мое и руки покрыты густым слоем копоти.

Жили мы плохо, но я всегда был весел и жизнерадостен.

Я очень обрадовался, когда отец пошел на работу. Вместе со мной работали и другие ребята — мои друзья. Я был первым среди них. Никто не мог так быстро, как я, переключиться с работы на учебу или наоборот.

В то время у нас в Васильеве еще не было обычной «стенки». Бились на кулачках и ребята.

Я был предводителем самой сильной в селе группы ребят. И «горские» и «баварские» ребята никогда не выдерживали наших кулаков.

Вместе с приятелями мы уезжали рыбачить на лодках, зимой катались на лыжах и санках. К 12 годам я был сильным и храбрым. Работа на заводе еще больше укрепляла и закаляла меня. Каждый день по 10—12 часов я поднимал и опускал тяжелый молот. Мои мускулы развивались. Через год я уже работал котельником на канцелярском, а еще через год — на пассажирском пароходе «Ваня».

В 17-м году мне было всего четырнадцать лет. И я окончил только семилетнюю школу. Трудно мне было разбираться в жизни. Но наши товарищи, от которых узнал я о партии большевиков, о Красной армии и гражданской войне.

В годы гражданской войны в Нижегородской области был расположен авиационный парк. Иредка над городом пролетал самолет. Услышав шум мотора, я забывал о дисциплине и выскакивал из котельной, где тогда работал. Черномая, потная, селая я за кочегаркой на горизонте самолета.

Возвратившись в свое «пекло», я мечтал о полете. И какой несбыточной казалась мне эта мечта!

Но осенью 1919 года встала передо мной проблема. Я пришел поступать в ряды Красной армии добровольцем. Мне шел в то время шестнадцатый год.

Целый год работал в парке сборщиков самолетов. Это был год разочарований. Никто не собирался учить меня летать, всем было не до меня. Со всех сторон молодую решимость окружали враги.

Наши летчики летали на устаревших, непроточных самолетах. Белогвардейцы же — на новейших английских.

И все же наши голодные герои-летчики побеждали сильных, прекрасно вооруженных белогвардейцев.

Как мне хотелось летать вместе с нашими летчиками, как хотелось сражаться с врагами в воздухе! Но в то время на всю Россию была одна авиационная школа. Поставить в нее, да еще с моим сельским образованием, было невозможно. В годы гражданской войны я усиленно читал, беседовал со знакомыми летчиками и авиационными мотористами, постепенно готовился к школе.

И в 1921 году мне наконец командирован в город Егорьевск в авиашколу. Называли мы ее очень смешно: «стерка», что означало: теоретическая школа.

С какой жаждой я принимался и за учебу!

За первый год я несколько раз побывал в воздухе, и чувство полета стало для меня знакомым и близким.

15 апреля 1923 г. я уже был в числе учеников — летчиков Борисоглебской школы.

Сейчас для нашей молодежи широко открыты дороги, ведущие в воздух. Сотни школ и аэроклубов разбросаны по всей нашей стране.

Но в те годы, когда я учился, стать летчиком было трудно.

На всю жизнь запомнился день, когда я впервые полетел на самолете один.

В одно июльское утро наш суворовский учитель — «боя», как мы его звали между собой, — неожиданно сказал мне:

— Приготовься к самостоятельному полету.

Тот, кто сам испытал такую минуту, поймет, какое у меня было замечательное настроение.

Лететь одному, без инструктора! Я приготовил машину к полету.

Оторвался от земли, сделал две посадки и два полета — и все один, — понимаете, один, без чьей-либо помощи. Летал я первый раз всего-навсего десять минут. Но летать неплохо. Инструктор крепко пожелал мне руку.

С этого десятиминутного полета и начинается моя летная жизнь.

Скоро я окончил школу, и меня командировали в Серпуховскую школу летчиков. Здесь меня, рядового пилота, препарили в военного летчика.

Я научился летать не только самолетом, но и оружием, применяемым в воздушных боях.

Учился я хорошо. В награду меня отправили в московскую Высшую школу авиации. Искусство высшего пилотажа — «петли», «шторки», «перевороты» и другие сложные фигуры я постиг быстро.

В ноябре 1923 г. я стал настоящим, полноценным военным летчиком.

Мы печатаем здесь первую главу из книги «Три дня в воздухе», написанную славными героями Советского Союза В. Чкаловым, Г. Байдуковым и А. Беляковым. Авторы рассказывают о своем всемирно-известном полете по Сталинскому маршруту, совершенном ими в 1936 году на самолете «АНТ-25».

Книга выходит в ближайшие дни в издательстве ЦК ВЛКСМ.

Валерий Чкалов.

2.
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
В ВОЗДУХЕ

Несколько лет я работал в авиационных военных воздушных сил.

Налетав первые сотни часов, я вдруг заскучал: не захотелось уже мне больше летать в строю вместе с моими товарищами. Стоило больших трудов заставлять себя идти в строю.

Вот однажды я ловил себя на желании неожиданно «пикнуть» — влезть в землю или сделать на глазах изумленных товарищей какую-нибудь замесловую фигуру.

Часто я уходил самовольно в сторону от аэродрома и там «накручивал» одну фигуру за другой.

Мне нравилось выводить машину из штопора, делать резкие пики, неожиданно переворачивать самолет и лететь вниз головой. Я ставил себя и машину в трудные и рискованные положения.

Однажды в течение сорока минут я сделал двести пятьдесят «мертвых» петель.

Самым резким нарушением дисциплины был мой трюк, проделанный в Ленинграде. Я пролетел под Троицким мостом на обычном колесном самолете, едва не коснувшись колесами воды.

В другой раз, увидев два дерева, расстояние между которыми было меньше размаха крыльев, я поставил машину на ребро и проскочил между деревьями. Воздушная акробатика нравилась мне. Я думал, что это и есть риск, но только много позже, когда стал овладевать искусством пилотирования машин новых конструкций, я понял, что настоящий трюк — риск не имеет ничего общего с таким искусством.

Да, надо приучать себя к смелости, уметь рисковать, если это необходимо, но в то же время надо падать и себя и машину.

• Пике — «пикнуть».

Летчики-испытатели — народ осторожный. И это естественно: стоит сделать одно неправильное движение — и машина разбита. А разбитая опытная машина — значит свести на-нет многомесячную работу целого коллектива людей и погубить себя.

Конструктор ждет от летчика-испытателя правильной оценки машины.

Работа летчика-испытателя очень сложна. На чужие полагаться нельзя. Надо твердо знать и законы механики, и физические основы авиации, и свойства материалов, и многое другое.

Что значит — испытывать новую машину?

Вот ее выводят на зеленое поле аэродрома. Летчик-испытатель сначала «рулит» по аэродрому и, прежде чем подняться в воздух, делает разбег на метр-полтора от земли.

Во время первого полета пилот совершает один-два круга над аэродромом. Затем машину тщательно осматривают и устраняют выяснившиеся в полете мелкие недостатки. После этого начинают так называемые тренировочные полеты.

Я стал летчиком-испытателем. Тут я нашел себя.

Как испытателю, мне приходилось бывать во всяких переделках.

Однажды я испытывал самолет с убранными шасси. В полете при выкатывании шасси застряла его левая «нога». Случилось это оттого, что трос, который подтягивал шасси, ослаб и свернулся в петлю. Чтобы размотать эту петлю, пришлось «хрюстать» машину из стороны в сторону. Сорок минут выделывал я над аэродромом различные фокусы, пока, наконец, «нога» не была выдвинута.

Люди, стоявшие внизу, видели, что случилось беда, но были бесшумны, молчали. Я делал двойные перевороты, выкатывал развороченную машину по правому, по левому, бросал ее косыми вверх. У меня темнело в глазах от усталости, но я попрежнему

выделывал резкие, рискованные фигуры. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

С земли эта воздушная акробатика выглядела наверное довольно страшной. Но я добился своего. Шасси машины с большой высоты, я так резко вырывал ее, что лоб мой коснулся колес. На мгновение я потерял сознание. Когда я пришел в себя, машина находилась в вертикальном положении, а застрявшая нога была выдвинута. Я облегченно выдохнул. Вглядевшись в часы: оказывается, прошло сорок минут.

Зато я не только выпустил шасси, попутно испытал и самолет на прочность. Весь механизм подвеса шасси в этом самолете пришлось поменять.

В полете на опытных, новых машинах все может случиться. Нужно быть готовым каждую минуту встретить любой сюрприз и спокойно и быстро найти выход.

Еще один случай, тоже с шасси, был летом 1935 года. Я повел новый самолет на максимальной скорости. Легко убрал шасси, а когда стал выпустить, то увидел, что одна нога шасси застряла. Такое положение мной уже бывало, и я спокойно стал искать причину невыхода шасси.

Внимательно осмотрев я все свое «хозяйство», обнаружил, что раздвинут трос от стопора шасси. Надо искать выход.

Решение пришло как-то само собой. Набрал высоту в две тысячи метров, я освободил себя от ремней, бросил управление, нагнувшись, напущал за плечи, соединившись с тросом, я жал на него ногой и с большим трудом выпустил шасси. Машина, предельная сама собой, стремительно падала вниз. Я ускорил машину и продолжал полет.

Как-то зимой, во время испытаний, у самолета оторвалась лопатка. Она перелетела вокруг своей оси. Я сделал несколько кругов, обдумывая положение. Надо было садиться с одной стороны.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Летчики-испытатели — народ осторожный. И это естественно: стоит сделать одно неправильное движение — и машина разбита. А разбитая опытная машина — значит свести на-нет многомесячную работу целого коллектива людей и погубить себя.

Конструктор ждет от летчика-испытателя правильной оценки машины.

Работа летчика-испытателя очень сложна. На чужие полагаться нельзя. Надо твердо знать и законы механики, и физические основы авиации, и свойства материалов, и многое другое.

Что значит — испытывать новую машину?

Вот ее выводят на зеленое поле аэродрома. Летчик-испытатель сначала «рулит» по аэродрому и, прежде чем подняться в воздух, делает разбег на метр-полтора от земли.

Во время первого полета пилот совершает один-два круга над аэродромом. Затем машину тщательно осматривают и устраняют выяснившиеся в полете мелкие недостатки. После этого начинают так называемые тренировочные полеты.

Я стал летчиком-испытателем. Тут я нашел себя.

Как испытателю, мне приходилось бывать во всяких переделках.

Однажды я испытывал самолет с убранными шасси. В полете при выкатывании шасси застряла его левая «нога». Случилось это оттого, что трос, который подтягивал шасси, ослаб и свернулся в петлю. Чтобы размотать эту петлю, пришлось «хрюстать» машину из стороны в сторону. Сорок минут выделывал я над аэродромом различные фокусы, пока, наконец, «нога» не была выдвинута.

Люди, стоявшие внизу, видели, что случилось беда, но были бесшумны, молчали. Я делал двойные перевороты, выкатывал развороченную машину по правому, по левому, бросал ее косыми вверх. У меня темнело в глазах от усталости, но я попрежнему

выделывал резкие, рискованные фигуры. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Рисунок с натуры А. Огорелкова.

Летчики-испытатели — народ осторожный. И это естественно: стоит сделать одно неправильное движение — и машина разбита. А разбитая опытная машина — значит свести на-нет многомесячную работу целого коллектива людей и погубить себя.

Конструктор ждет от летчика-испытателя правильной оценки машины.

Работа летчика-испытателя очень сложна. На чужие полагаться нельзя. Надо твердо знать и законы механики, и физические основы авиации, и свойства материалов, и многое другое.

Что значит — испытывать новую машину?

Вот ее выводят на зеленое поле аэродрома. Летчик-испытатель сначала «рулит» по аэродрому и, прежде чем подняться в воздух, делает разбег на метр-полтора от земли.

Во время первого полета пилот совершает один-два круга над аэродромом. Затем машину тщательно осматривают и устраняют выяснившиеся в полете мелкие недостатки. После этого начинают так называемые тренировочные полеты.

Я стал летчиком-испытателем. Тут я нашел себя.

Как испытателю, мне приходилось бывать во всяких переделках.

Однажды я испытывал самолет с убранными шасси. В полете при выкатывании шасси застряла его левая «нога». Случилось это оттого, что трос, который подтягивал шасси, ослаб и свернулся в петлю. Чтобы размотать эту петлю, пришлось «хрюстать» машину из стороны в сторону. Сорок минут выделывал я над аэродромом различные фокусы, пока, наконец, «нога» не была выдвинута.

Люди, стоявшие внизу, видели, что случилось беда, но были бесшумны, молчали. Я делал двойные перевороты, выкатывал развороченную машину по правому, по левому, бросал ее косыми вверх. У меня темнело в глазах от усталости, но я попрежнему

выделывал резкие, рискованные фигуры. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

жей. Ничего больше не придумаешь. А лопатка вертелась, словно надевалась на мою ногу.

Осторожно, на самой малой скорости, я посадил машину, во время выключения мотора. Машина опрокинулась на спину, но осталась цела...

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Вот что такое испытание самолета! Ко всем испытаниям надо быть готовым. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

Монументальный стиль социалистического реализма

Работы съезда архитекторов сыграют важнейшую роль в жизни социалистической страны. Ни одно из искусств не связано с нас так тесно с жизнью и бытовыми условиями народных масс, как архитектура.

На протяжении всей истории эпохи архитектуры общества эксплуататорских классов господствующим эксплуататорским классом. Божество служило феодалу, помещику, буржуа, удовлетворяло их вопросы, вкусы.

Два полюса — богатство и нищета, — рожденные эксплуататорскими общественными системами, делали архитектуру чуждой широким массам трудящихся. Гигантские архитектурные сооружения, замечательные памятники зодчества, построенные руками рабов, крепостных, рабочих, не предназначались для трудящихся. Строители и социальное зодчество архитектуры творили в «мерках свиных хлева», как писал Ф. Энгельс.

Революция пролетариата переселила массы трудящихся в барские особняки, в кварталы богатых. Эпоха сталинских палаток, наметившая коренным образом экономический облик страны, воздвигавшая грандиознейшие промышленные здания, двигавшая широко вперед создание архитектурных сооружений.

За это время советскими архитекторами создано немало замечательных строений, которые остаются в веках, как достойные сталинской эпохи памятники. Такими реконструированы кварталы и архитектурные ансамбли столицы, трудящихся мира — Москвы, столицы московского метрополитена, надводные постройки

ки канала Волга — Москва, советский павильон на Международной выставке в Париже, проект московского Дворца Советов и т. д.

Задачи, поставленные перед архитекторами в докладах Алабяна, Колли, Шусева, были со всей большевистской строгостью обсуждены первым Всесоюзным съездом советских архитекторов.

В речи т. В. Я. Чубаря, приветствовавшего съезд советских архитекторов от имени Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков и Совета народных комиссаров Союза ССР, со всей большевистской четкостью были определены задачи советской архитектуры, играющей такую значительную роль в деле социалистического строительства.

«Требования партии и правительства», — говорил т. В. Я. Чубарь, — к современному советскому архитектору и к архитектурной общественности могут быть сформулированы кратко: архитектор должен работать на уровне требований эпохи, быть в ногу с большевиками, партийными и непартийными, активно участвовать в социалистическом строительстве и не только давать архитектурное оформление сооружениям, но и участвовать в инженерно-строительном деле. Для этого нужно в первую очередь работать по-честному, добросовестно выразиться в существе каждого проекта и в его осуществлении активно бороться за наилучшее решение задачи. Честная работа в нашем понимании означает работу с открытым сердцем, всего энтузиазма, всего пыла на дело социалистического строительства.

Отвечает ли советская архитектура, несмотря на ее значительные и несомненные достижения, тем высо-

ким требованиям, которые были наметены в речи т. Чубаря? Стоит ли она на уровне требований эпохи? На эти вопросы в своих речах и выступлениях делегаты съезда архитекторов дали совершенно исчерпывающий ответ.

Советская архитектура не отвечает еще тем требованиям, которые предъявляет ей партия, правительство, весь советский народ. Наша советская архитектура отстает от требований и задач эпохи сталинских пятилеток.

Советская архитектура еще не избавилась от многих болезней: формалистические выкрутасы, конструктивизм, беспредметные искания абстрактного архитектурного стиля, оторванного от интересов живого строителя социалистического общества. Ярким подтверждением этого факта явилось выступление архитектора Веснина, бывшего «идеолога» конструктивизма. Вместо критики своих конструктивистских позиций, архитектор Веснин пытался сместить свои собственные конструктивистские взгляды указаниями на широкое распространение конструктивистских принципов в советской архитектуре.

Выступавшие в прениях делегаты съезда архитекторов соглашались с докладчиками, что только стиль социалистического реализма в архитектуре обеспечит разрешение тех задач, которые поставлены перед советскими архитекторами.

Разгромив формалистические, конструктивистские принципы, отбросив свой ряды от троцкистских вредителей, явив издевательски строивших жилые дома на некоторых наших крупнейших заводах и стройках, —

Донбассе, в Западной Сибири, на Украине и т. д., советская архитектура пойдет более скорыми темпами к созданию монументального стиля социалистического реализма.

Съезд архитекторов выдвигает большие и ответственные задачи перед советскими литературными критиками и литературоведами.

Отдельные области нашего искусства живут самостоятельной и часто изолированной друг от друга жизнью. Литератор не всегда интересуется тем, что происходит в области скульптуры и живописи, актер незнаком с процессами, происходящими в архитектуре. Еще в большей степени это относится к критике отдельных областей искусства.

Вопросы стиля социалистического реализма, выражающего эпоху самой человечной в мире Конституции, героического и радостного в жизни освобожденного человечества, не могут быть решены без учета тех процессов, которые протекают во всех областях советского искусства.

Писатель и архитектор, актер и художник, вытесня и композитор дышат одним воздухом нашего героического времени, живут одними интересами нашей великой эпохи. В их творчестве отражаются мысли и чувства советских народов, построенных социалистического общества.

Черты складывающегося стиля социалистического реализма мы находим во всех областях советского искусства.

Эти процессы необходимо осмыслить критикам и литературоведам и создать работы о монументальном стиле социалистического реализма, которые помогут двигаться вперед литературу и живопись, музыку и архитектуру, скульптуру и театр.

К XX ГОДОВЩИНЕ ОКТАБРЯ

Что готовят
писатели Украины

В беседе с нашим корреспондентом драматурги, поэты и прозаики Советской Украины рассказали о том, как они работают над произведениями, посвященными двадцатилетию Великой пролетарской революции и гражданской войны.

— Я чувствую себя особенно обязанным перед читателем, так как последние время новых книг не давал, — говорит Аркадий Любченко. — Могло создаться впечатление о нескольких странном моем творческом ватизме. Но это было бы обманчивое впечатление. Как раз в последнее время я очень много, напряженно работал, хотя случались помехи, тормозившие работу.

Я написал киносценарий для Украинфильма. Построен он на материале сегодняшнего Донбасса, в основу положено стихотворение Дзюбаченко. Моя главная работа — это роман, который я вскоре закончу. В романе — тоже Донбасс, Донбасс, удивительно замечательный, созданный замечательными людьми нашего времени. Тщательному изучению Донбасса посвящали и последние годы, основное внимание и энергию отдал ему.

— Я давно думал о Советской Молдавии, — говорит поэт Яков Горюхский. — Край цветущих садов, край огненных топей должен заговорить в поэзии. Тема обороны здесь получает особую конкретность.

К двадцатилетию я готовлю книгу стихов «Зеленый лист». Название взято из любимого повествования Молдавии, в книгу войдут переводы из молдавских советских поэтов. До сих пор молдавские поэты совершенно незамеченными не были известными за пределами своей республики. «Зеленый лист» для меня работа поэтически-принципиальная, как книга единого плана.

В этом году выйдет книга моих стихов «Июль». Это оборонная лирика: поэма «Полночь коммунаров» о табелах в г. Николаеве и переводы из украинской, грузинской и еврейской поэзии.

Написал «Песню о Клене». Музыка — композитора-орденоносца В. Я. Иориса.

— Последние годы я работал над тремя книгами, — говорит еврейский поэт Ципи Фейфер.

Недавно вышла книга «Сала», в которой семь циклов стихов: посвященные Библиту, баллады о гражданской войне, стихи о Германии и Испании, о «Челюскине» и два лирических цикла. Книга заключается стихотворениями о родине.

Вторая книга должна выйти на днях. Это — антология украинской поэзии на еврейском языке. В нее вошли лучшие произведения украинских поэтов.

Заканчиваю поэму «Граница». События, развивавшиеся в ней, происходят в пограничном местечке.

К юбилейной годовщине Великой пролетарской революции писатель Семен Спиринко закончил новый роман «Дорога на Киев».

В романе показан путь от маленького местечка Улеши, где во времена гетманщины и немецкой оккупации организовывались повстанцы, до Киева. Этим путем прошли в 1918 году части полка, а позже бригады, легендарного героя Н. А. Шорса.

— Победа закалившегося в боях коллектива, одиночество и гибель оторвавшихся от него — вот основная тема написанной мною к юбилею социалистической родины поэмы «В Париж» и «В Париж» — рассказывает Ник. Ушаков.

Поэма заканчивается первым окружением Парижа и августовским отходом белых от «Вердена на Волге». Она входит в общий цикл уже написанных, готовящихся и задуманных мною стихотворных повестей и хроник 1918 года.

И. МАРКУС.

Киев.

О книгах, вышедших десять лет тому назад

В. ПЕРЦОВ

революцию ступеньку. Он пролетает надо мной. Да, он пролетел по воздуху.

В диком ракурсе я увидел летящую в неподвижности фигуру — не лицо, только ноздри я увидел: две дыры, точно я смотрел снизу на монумент.

Чем оправданы страдания человека в «Зависти»? Вот бред или пьяные видения Кавалерова, раскрывающие то, что у него на уме:

«Кавалерова поднимали и полным отчаянием голодом закружили: — Спасите его! Неужели вы допустите, чтоб машина убивала человека? Ответа не последовало.

— Мое место о нем! — сказал Кавалерова. — Учитель! Я умру с вами! Но было уже поздно. Зависть вошла Ивану заставляя его свистать. Падаю, увидел он Ивана, приколото к стене иголкой.

Разве в этой сцене выражено не то же самое настроение, которое так характерно для буржуазных «маленьких борцов», считающих, что все зло в машине, а не в ее капиталистическом применении...

Оплавившая гибнущую человеческую личность, разлагавшую «новым рабством» личность, оплавившую личность, Оплеши, как художник, не выдал различия между капитализмом и социализмом.

Трагедия личности, порождаемая строем частной собственности и совершенно несовместимую нашему строю, он автоматически перенес на капитализм в социализм.

Мрачные построения автора «Зависти» одно время были верными, и вызвали подражания. В этом отношении характерна неадекватная повесть рано умершего писателя Виктора Дмитриева «К вопросу об индустриализации СССР». Само название звучит полемически. Дмитриев метался в самые противоположные стороны — то к толстовщине, то к техниканию, то к историческому-трагическому натурализму.

Его повесть «К вопросу об индустриализации» наряду с гимнами латышет пропавшая тоской о несбыточном личном счастье, которое является ему несомненным с работой на общую пользу. Герой этой повести пролетает несчастье труда и мещанство счастья. К счастью, когда счастье стоит вовсе не в том, чтобы работать на них, а в том, чтобы освобождать людей от работы; счастье — в жизни по своей воле, в досуге, в беспечности.

Утопический рай мелкобуржуазно-ремесленничества мнил Дмитриева и казался ему идеальным личным счастьем. В уста одного из героев автор вложил полемическую речь, в которой выразил протест против «неслыханного счастья», выраженного протестом против «несчастия» обилия вещей, реву, реву, скачущих машин.

«Счастье и несчастье — это вне, дальше, глубже. Они измеряются не числом автомобилей».

Вряд ли требуется спорить по существу о этой наивно-фальшивой по содержанию философской машинистике, под которой целиком подпался бы Николай Кавалеров на романах Оплеши. Стоит, однако, напомнить, как в свое время оценивал, в связи с толстовским учением, поблону «любви к людям» еще А. П. Чехов. В письме к А. С. Суворину от 27 марта 1894 г. он писал:

«...Расчетливости и справедливости говорят мне, что в эгоистичестве и тере любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса».

На поверку выходит, что толстовско-вегетарианский или геростратовский шаблон лежит в основе необыкновенной оригинальности «творческих» личностей, выведенных в произведениях В. Дмитриева и Ю. Оплеши.

В 1927 и 1928 гг. предстояло исключительное напряжение всех сил народа для выполнения первой сталинской пятилетки и в числе других задач немалые трудности возникали в том, чтобы целесообразно использовать старые кадры технической интеллигенции.

Первый пятилетний план представлял собой для этих кадров не только творческий экзамен, но и проверку готовности работать для построения социализма. Повидимому, этот вопрос времени подкалывал ряду писателей, и ту же тему творческого провала личности, которая по-разному волею судьбы оказалась в «Зависти» и «Братях», вывел этот тем встречным и в романе Федина «Братья», вышедшем в 1928 году.

Андрей Старцев — герой федина романа «Города и годы» говорит о себе в письме к любимой женщине:

«Недавно я хлопотал о каких-то бумагах. Мне задали вопрос: ваша профессия? Я не мог ответить. Мне вдруг пришло в голову: в какой профессии готовился я прежде? Я общался, выпил глоток».

В «Братях» Андрей Старцев является под именем Никиты Карева. Вместе с новым именем традиционный герой фединских романов обрел новые, вполне конкретные черты: теперь это уже не человек без профессии, напротив, это человек, поглощенный своей профессией.

После конца империалистической войны, пролившись в свой родной Уральск, Никита Карев встречается в степи брата Ростислава, командующего большевистским отрядом. «Что ты там делал у немцев?» — спрашивает Никиту Ростислав.

«Я попрежнему занимаюсь музыкой, писал симфонии...» — Писал симфонии? — протестующе воскликнул Ростислав. — Все войну, четыре года? И больше ничего?

«Если хочешь — больше ничего, — отозвался Никита. На мгновение в его голосе прозвучала застенчивая досада, но он почти тотчас же снисходительно и мягко улыбнулся:

«Если не считать, что я мучился, падал духом и поднимался, что я смеялся и плакал, что я смеялся, и вновь проскользну-

ла в его смехе нотка горького воспоминания над братом».

«О горькое воспоминание! над всеми окружающими Никита Карев проносил через все романы. На том же он основано? Никита убежденно заявляет Ростиславу, что для него не существует политики, а есть только музыка».

Революция и гражданская война, в точки зрения Никиты, — только помехи для его вояжизм музыки, и он мог бы повторить вслед за Архимедом слова, сказанные геометром древности римскому солдату: «Не трогай моих чертежей!».

И верно, то что он говорит Ростиславу на прощание, готовясь перейти через фронт:

«Уверю тебя, я ничего не хочу и не могу делать, кроме своего дела. Я не могу отказаться от него. Иначе вся моя прошлая жизнь станет бессмысленной дурью! А мне сейчас кажется, что она наполнена таким значением!».

В чем же значение жизни для Никиты Карева? Повидимому, в том, чтобы выразить себя в музыке, утвердить свою личность посредством музыки, — скажем так, чтобы избежать простодушно-филетерской формулировки — «сделать себе имя».

Архимед занимался геометрией, а Никита Карев — музыкой. Тем не менее Архимед, следуя законам геометрии, применял их, как известно, для обороны Сиракуз и был убит при входе римлянами его родного города. А Никита Карев хочет породить новую музыку вообще, которая никому не служит и ничто не защищает. Что же это за музыка, каков смысл этого художественного дела, во имя которого Никита Карев с такой убежденностью в своем превосходстве отпикивает от себя и белых, и красных? Что может дать людям художественный образ, вскрывший ступень черствым творческим ознобом?

Как это ни странно, симфония, которую пишет Никита Карев, оказывается «современной революцией». Трудно каревою личности, выраженной в его симфонии, которая имеет, по словам автора, огромный успех, оказывается триумфом революции в музыке. Здесь Федина либо покривил душой, либо хотел сказать: недаром, стало быть, Никита Карев чувствовал свое «горькое превосходство» над братом, ушедшим к большевикам. Стало быть, можно, оторвавшись от бурь революции, ретироваться в музыкальный мир, создать образ революционной эпохи. Так получается в романе Федина. Разве не об этом говорит оценка симфонии Никиты Карева в статье авторитетного композитора, которую автор приводит в своем романе:

«В обстановке, почти исключавшей возможность вояжизм на ролях, Карев создал эту «симфонию-роман», запечатлевшую на себе все то великое, что принесла нам революция. Нужно было самообладание настоящего художника, чтобы, оторвавшись от обычных условий приятной жизни, в таких условиях увидеть высокий смысл совершившихся событий и творчески их выразить».

Если под оторвавшимся от «обыкновенной приятной жизни» имеется в виду то, о чем Никита Карев говорил брату-большевику, ставя себя во имя музыки над белыми и красными, то странная и неправдоподобная предстает, как такой человек, и чорта не поймаешь в эпоху, мог увидеть высокий смысл совершившихся событий и творчески их выразить».

С такими творческими «установками», как у Никиты Карева, нужно сидеть в башне из слоновой кости, а вовсе не претендовать на то, чтобы запечатлеть в своем творчестве «все то великое, что принесла нам революция». Как ни расширяла эта характеристика, все-таки она обязывает автора так подготовить ее в развитии образа главного героя, чтобы она не упала на читателя, как снег на голову. Да ведь Никита Карев и не собирался вовсе запечатлеть в музыке то, к чему в жизни он не имел никакого отношения. — Оставьте меня в покое, не трогайте моих нот, — вот смысл его жизненной и творческой позиции. Герой бессилен, человек, чужд автор романа.

Заключительная часть романа называется «Утраты». К концу романа Никита Карев теряет всех близких ему людей, умирает его отец, рвет с ним старший брат, отвергает его любимая женщина, возмущенная его черствым себялюбием; освобождается из-под его очарования другая женщина, любящая Никиту Карева всю жизнь, оскорбленная тем, что он привнес в ее жизнь, превратив ее любовь в житейское удобство. Но, отдаленный от людей, с которыми он создавал личные отношения, Никита Карев не стал близким людям, о которых он мог бы сказать его симфония. Он остается совершенно одиноким наследием со своим творчеством.

«На одинокой покоевщине внутри была заложена свежая афиша».

В ТРЕТИЙ РАЗ
СИМФОНΙΑ ОП. 17
НИКИТЫ КАРЕВА
Под управлением автора.

— Опусы, еще раз опусы, — проормотал Никита, отрываясь от вояжизм.

Да, может быть, только опусы ставились его удачей на его жизнь.

Мир отвергал Никиту Карева, чтобы принять. Обогащая одну его судьбу опытом несчастья и утрат в другой.

Ничто не повторяется.

Но к Никите слова возвращаются слух, и все становится как будто по-прежнему: деревья, итея, хрустит снег, и кровь еще наполняет сердце.

Пусть так.

Странная аналогия творчества, которая звучит, как аналогия огромна в творчестве, как аналогия огромна творчества от общественной жизни.

«Братья» Федина — холодная, черствая книга, как холоден и черств его герой, выражающий, что устранял-пиков от борьбы людей, он обретет себя, и жизнь в искусстве. Нельзя сказать, что так думает его автор. Не зачем тогда написана эта книга?

Смотр советской архитектуры

На съезде советских архитекторов

Первый Всесоюзный съезд советских архитекторов явился крупнейшим событием в жизни нашей страны. Он превратился в замечательную «встречу» архитектурной общественности со всем народом, в широчайший смотр нашей архитектуры, ее достижений и недостатков.

На трибуне съезда выступили представители партии и правительства, председатели Советского Союза, В. Я. Чубарь, председатели Госплана СССР тов. Г. И. Смирнов, от имени Наркоматом тов. Н. А. Булганин.

Делегация военно-инженерной академии им. Куйбышева приветствовала съезд от имени Красной армии. Советская общественность была многогранно представлена на трибуне съезда делегациями крупнейших предприятий, всех отраслей советского искусства — литературы, театра, изобразительных искусств, вплоть до делегации советских педагогов и пионер-школьников.

Это широчайшее представительство советской общественности на трибуне съезда архитекторов отдале не носило только праздничного характера. Приветствуя съезд, подчеркивая огромное значение архитектуры в нашей стране, ее несомненные достижения, представители правительства и советской общественности одновременно говорили прямо и суровую правду об ошибках и недочетах современной архитектурной практики.

Значение этих выступлений огромно. Они не только явились ярким контрастом к недостаточной самокритике на самом съезде, но вылились в подлинный всенародный «плебисцит» о значении и задачах архитектуры в нашей стране.

Этот счет, предъявленный архитектуре, обнаружил полное единство требований, предъявляемых к ней со стороны партии, правительства и широкой трудящихся масс.

Представители заводо и реконструкция этих заводов и жилищного строительства для рабочих, представители широкой общественности на своем опыте жилищного и иных видов массового строительства выдвигали именно те требования к архитектуре, которые нашли себе общее выражение в программе действий, развернутой в выступлениях представителей правительства.

Центральным требованием этой программы является служение народу, максимальная работа и удовлетворение потребностей человека.

Тов. В. Я. Чубарь указал, что объем строительных работ в третьей пятилетке увеличится по сравнению со второй пятилеткой на четверть, не меньше, чем втрое. Обращаясь к архитекторам, он сказал:

«Партия и правительство требуют,

чтобы строили прочно, удобно, красиво и обязательно экономно».

Подлинная творческая солидарность всех искусств Советского Союза агула в выступлениях на съезде тов. Маркуса (от имени скульпторов), Герасимова (от имени художников) и Мариэтты Шагинян, приветствовавшей съезд от имени союза советских писателей.

В тонкой и остроумной речи Мариэтты Шагинян обрисовала глубоко принципальную связь, существующую между литературой и архитектурой.

«Архитектор, — говорила Мариэтта Шагинян, — дает в руки писателя самое мощное материальное средство художественной характеристики. Архитектура должна помочь нам конкретно охарактеризовать нового человека нашей эпохи, как и мы в свою очередь должны помочь ей в изучении реального бытия, вкусов, потребностей и навыков этого человека».

«Нам достаточно попадает от нашей критики, — продолжала далее Мариэтта Шагинян, — за то, что герои у нас члуются на тракторах, члуть не нечлуют в учреждениях, живут в пеху, на полевом стане, и совершенно не видно, как они себя ведут дома. Эти упреки теснейшим образом связаны с теми упреками, которые могут быть сделаны вам, архитекторам».

В дальнейшем Мариэтта Шагинян подробно охарактеризовала жилищный тип советского жилья, гармонически сочетающий индивидуальное и общественное начало.

Прямые и особо ценные продолжением докладов К. С. Алабяна, Н. Я. Колли и А. В. Шусева, объединенных общей темой — «задача советской архитектуры», явились доклады представителей национальных республик. Они развернули яркую картину грандиозного строительства, проводящегося в этих республиках на базе их хозяйственно-культурного подема.

Как ни молчали архитекторские кадры национальных республик, но они творчески крепнут благодаря их близости к живым источникам социалистической по содержанию и национальной по форме архитектуры — к национальным архитектурным памятникам и народному искусству.

Наиболее яркой страницей этого грандиозного раздела съезда были доклады авторов проекта Дворца Советов Б. М. Иофана, акад. арх. В. А. Шучко и проф. Г. В. Гельфрейха и выступление главного инженера канала Москва—Волга т. С. Я. Жука. Эти выступления представляют собой кристаллизацию положительного опыта советской архитектуры.

В этом отношении право на вни-

мание сверх всякой похвалы разделял с этими «объектами на съезде советский павильон Парижской выставки. Почти каждый выступавший на съезде невольно обращался к этому сооружению, как к образцу идейного решения архитектурного образа».

Вторым крупным разделом работы съезда были доклады главных архитекторов Москвы и Ленинграда проф. С. Е. Чернышова и проф. Л. А. Ильина о реконструкции столиц, Ленинграда и Москвы, а также о создании в них архитектурных ансамблей.

Ярким моментом в чрезвычайно оживленной «сводной дискуссии» по вопросам градостроительства явилось выступление председателя Моссовета т. Н. А. Булганина.

В своем обширном докладе он дал отчет о ходе реализации сталинского плана реконструкции Москвы, показав, как постепенно вырастают куски новой Москвы на архитектурном теле старой Москвы.

24 июня съезд приступил к третьему разделу своей работы, посвященному жилищному строительству. Доклад Г. А. Смирнова и А. Г. Мордвинова об архитектурном образе советского жилого дома нашей эпохи, описавшего дополнение в докладе проф. М. Я. Гинзбурга об индустриализации жилищного строительства. Дело в том, что гигантская программа по жилищному строительству не может быть успешно выполнена вне индустриализации и типизации строительства. Без широкого внедрения стандарта.

Центральным вниманием в докладах и прениях было уделено той области жилищного строительства, которая до сих пор отнеслась на второй план. Это область интерьера квартир, ее оборудования и наиболее полного обеспечения потребностей человека и его культурно-бытовых удобств.

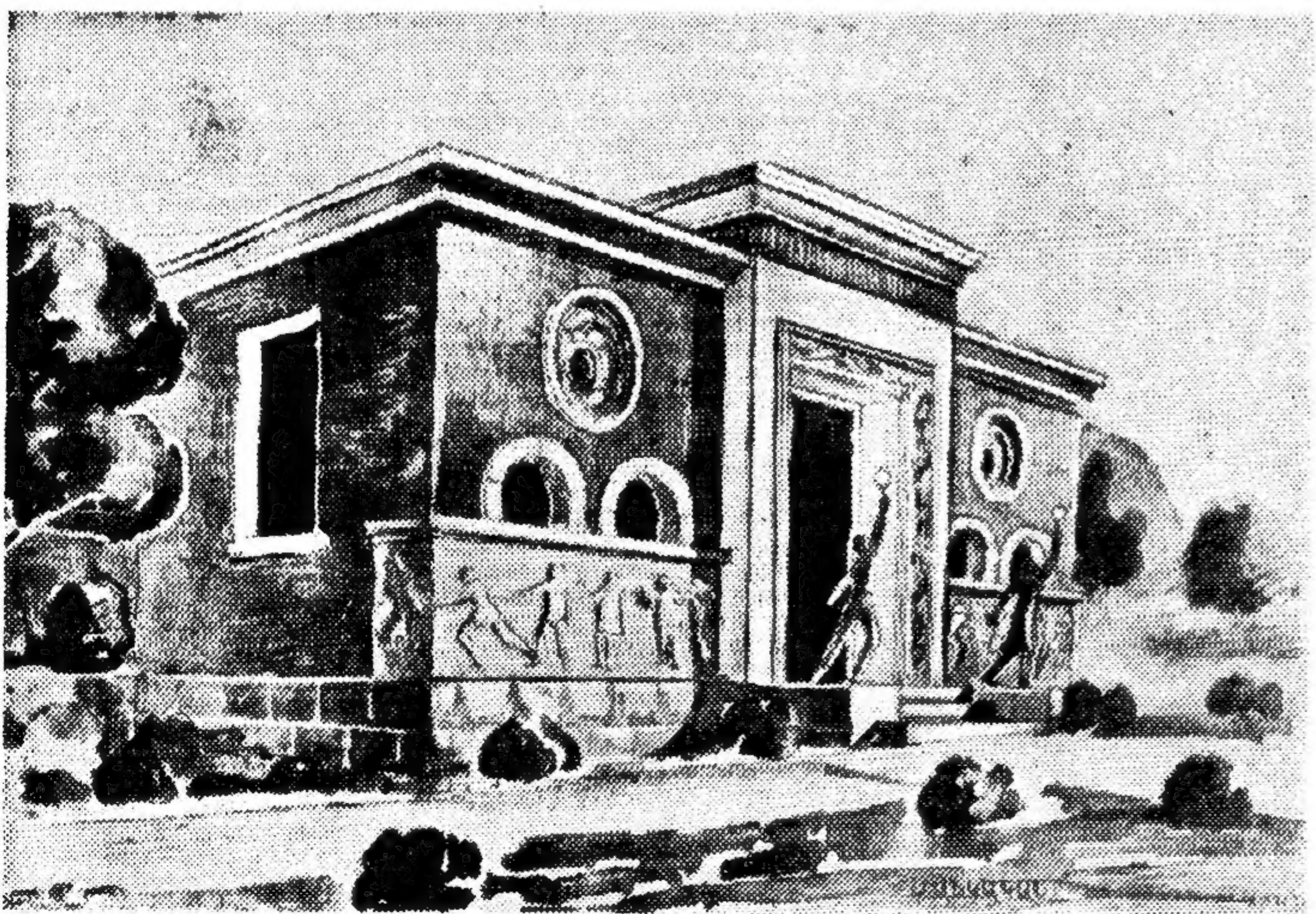
Повесть съезда оказалась настолько насыщенной, что за недостатком времени ее пришлось разгрузить, передав доклады об архитектурном образовании и подготовке мастеров строительного дела в особую секцию.

Значение съезда выходит далеко за пределы нашей страны. И это было подчеркнуто выступлениями зарубежных гостей съезда, виднейших иностранных архитекторов Фр. Журдена, Райта, Лодеса, Хейберга, Гаральда Халса.

Чувства зарубежных архитекторов ярко выразил Гаральд Халс, заявивший:

— То, о чем мы мечтаем, вы уже проводите в жизнь.

С. ИПОПОЛИТОВ

Проект читальни в детском парке культуры и отдыха, строящемся в Ереване. Автор проекта — архитектор М. Д. Мазманин.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ1790 год
«Путешествие
из Петербурга
в Москву»

В июне 1790 года А. Н. Радищев выходящий в свет типографии печатание «Путешествия из Петербурга в Москву». Это замечательное произведение, впервые в русской литературе правдиво и реалистично изображающее невыносимые условия существования народных масс, было воспринято Екатериной II как «оскорбление величества» и призыв к бунту. «Радищев», заявила она, — бунтовщик хуже Пугачева.

Радищев был немедленно заключен в Петропавловскую крепость и осужден к смертной казни, замененной затем ссылкой в Илимск. В 1803 году он покончил с собой. «Путешествие» за него отомстит, — писал он незадолго до смерти.

Известно, как высоко ценил Радищев Ленин. В статье «О национальной гордости великороссов» он поставил его в один ряд с декабристами и революционерами 70-х годов. «Нам больше всего, — писал он, — видеть и чувствовать, каким насилием, гнетом и извращенностью подвергают нашу прекрасную родину царские палаты, дворные и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищевых, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...»

На напечатанных 650 экземплярах «Путешествия» из Петербурга в Москву Радищев успел пустить в продажу только 25 и не более 10 роздал друзьям. Обнаружив затем, что книгу в столице стали «принимать в

худом смысле», он поспешил все оставшиеся экземпляры сжечь. Разумеется, это не могло уже его спасти. После смерти Радищева писать о нем было запрещено. Пушкин с недоумением обращался к Бестужеву: «Как можно в статье о русской славности забыть Радищева! Кого же мы будем помнить? Однако и Пушкинскую статью для «Современника», в которой он, по требованию цензуры, во многом осуждал Радищева, все же напечатать не удалось. Министр народного просвещения С. С. Уваров запретил ее со следующей мотивировкой: «Статья сама по себе недурна и с некоторыми именениями могла бы быть пропущена. Между тем нахожу неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения».

Впервые «Путешествие» было переиздано Горьким за границей в 1888 году. Но заграничное издание не могло получить в России широкого распространения, также как и разрешенное в 1888 году суворинское роскошное издание в количестве 100 экземпляров.

Только революция 1905 года дала возможность русскому читателю познакомиться с «Путешествием». Прошло 115 лет с того времени, как Радищев выпустил свою книгу, пока она попала наконец в руки массового читателя.

В 1908 году вышло первое массовое издание «Путешествия» из Петербурга в Москву. В 1908 году вышло сравнительно дешевое издание, в котором пять изданий этой книги, и в следующем году появилось еще три новых издания. С тех пор «Путешествие» переиздавалось еще много раз. Сейчас книга Радищева включена в серию «Школьной библиотеки классов».

Канал Москва—Волга. Речной вокзал в Химках. (Совсефот).

Великий друг и учитель
советских писателей

На вечере памяти Горького в ДСП

Вечер памяти Горького в ДСП открыл поэт А. Сурков. Он говорил о том, с какой огромной страстностью откликался Горький на все события в нашей стране и далеко за ее пределами.

Горький — вот идеал, каким должен быть в наше время писатель, борющийся за человеческие свободы и независимость Горького всегда достигала цели. Он не давал врагам покоя, метко попадая в них огненными стрелами своих разоблачительных статей и высказываний.

А. Сурков напомнил предсмертные слова Алексея Максимовича о том, что нам нужно «сблизиться на все пути». Горький и сегодня является для нас путеводителем, и признавал писателей к продолжению горьковских традиций.

Итальянский писатель Джерманетто рассказал о том, какое сильное впечатление произвело на итальянских рабочих известие о смерти Горького.

Докеры и строители со слезами на глазах говорили о потере близкого и дорогого человека.

Для итальянских рабочих Горький сделал очень много. В бытность Горького в Соренто у него бывали сотни людей. Поднятия Муссолини не в силах была «ограничить» Горького от общения его с итальянским народом. В городах и в далеких деревушках Сидилини почти нет такой квартиры, где бы не висел портрет Горького, где бы не было нескольких его книг.

Рабочая и крестьянская беднота Италии говорит о Горьком с большой любовью, как о человеке, страстно клеймившем порабощение и проповедывшем свободу.

Интересно и остроумно рассказывал о своих встречах с Горьким А. С. Новиков-Прибой.

Об отцовском внимании Горького к начинающим писателям говорила П. Железнов и С. Васильев.

Горьковская декада

— Приходите рисовать и лепить Горького и героев его произведений! — Приносите свои рассказы и стихи, посвященные Горькому!

Эти призывы, обращенные к юным посетителям Детского городка в Парке культуры и отдыха им. Горького, встретили горячий отклик.

Конкурс уже только начался, а в портфели руководителей литературного кружка Т. Соколовой скопились уже целая гора старательно написанных листов со стихами и рассказами, принесенными маленькими посетителями. В зале интересных занятий можно видеть большую галерею портретов Алексея Максимовича, написанных детьми. Особенно удачны рисунки двух мальчиков — Манарейкина и Миняева, изображающие Горького среди пионеров.

Среди скульптурных работ выделяется бюст Горького, сделанный Женей Коробовым.

Очень похож на делушку, — сказали Даша и Марфуша Пешковы, пришедшие в городок в годовщину смерти Алексея Максимовича. Появление в городок Горького вызвало бурю. Они окружили их тесной гурьбой и наперебой просили рассказать «про делушку». Даше подарил куклу, а Марфуше — набор для кукольного театра.

С рассказами и воспоминаниями о Горьком выступили писатели П. Железнов и И. Рахилин. Потом дети читали свои стихи.

Среди гостей был и кинорежиссер Донской, рассказавший о подготовке им постановки фильма «Детство» — о юности Горького.

Одним из постоянных посетителей Детского городка — членом жюри Боря Гаврилин — тут же был приглашен в качестве консультанта в фильм роли татарченка Хаби из «Дружеского ватана».

ГОРЬКОВСКИЕ ДНИ В ЛЕНИНГРАДЕ

От наших корреспондентов

Первую годовщину смерти А. М. Горького Ленинградский союз советских писателей отметил большим вечером памяти великого пролетарского писателя. Доклад о творчестве А. М. Горького и месте его в развитии русской литературы сделал проф. В. А. Десницкий.

Корней Чуковский поделился интересными воспоминаниями о Горьком. В свое время К. Чуковский пришлось работать с Алексеем Максимовичем в издательстве «Всемирная литература».

О «суровом и нежном учителе» поколений советских писателей рассказывал М. Слонимский и А. Чапыгин.

Институт литературы Академии наук СССР провел двухдневную научную конференцию, посвященную памяти А. М. Горького.

Большой доклад об очередных задачах горьковедения сделал проф. С. Д. Балухатый. Он ознакомил конференцию с планом работ горьковской группы Института литературы и с содержанием ближайших горьковских сборников.

В первый день были заслушаны сообщения С. В. Нестерова о работе

в эти дни на всей территории парка о великом писателе напоминают не только развешенные повсюду громадные портреты и кулачные цитаты о писателе из его произведений. Дирекция парка в тесном сотрудничестве с союзом советских писателей и Академией наук проделала большую работу, чтобы достойно отметить первую годовщину со дня смерти Алексея Максимовича.

Виднейшие представители науки и литературы, более 15 тысяч трудящихся столицы пришли 18 июня в Детский городок на торжественное собрание, посвященное памяти великого художника слова.

Открывая собрание, президент Академии наук академик В. Л. Комаров подчеркнул значение Горького — учителя советской литературы и великого гражданина нашей родины. Это ему уступил в своем докладе ответственный секретарь ЦСР СССР Т. Станиславский.

Беззаветный друг трудящихся, пламенный борец за коммунизм, он был беспощаден к врагам социалистического строя. Следовать его примеру, учиться у него священной нежности к врагам народа должны все советские писатели...

Академик И. А. Орбели обратился к многотысячной аудитории с горячим призывом биться за Горького — храним и беречь чистоту великого русского языка.

Об особенностях творчества Горького и его роли в мировой литературе говорил профессор И. И. Луппол и П. И. Лебедев-Полынский. Вс. Иванов прочел свои воспоминания.

Собрания памяти Горького происходили также в эстрадном театре, на симфоническом estrade и в отдельных домах отдыха парка.

Письма М. Горького
к В. Короленко

Первую годовщину со дня смерти А. М. Горького редакция «30 дней» отмечает печатанием в шестой книжке журнала материалов и статей о великом писателе.

Особенный интерес представляют два письма А. М. Горького к В. Г. Короленко и ответное письмо Короленко к Горькому.

Письма датированы 1918 годом. В первом из них Алексей Максимович передает Короленко просьбу украинского этнографа В. Гнатюка принять участие в сборнике, посвященном памяти Ив. Франко.

Телом отывается Горький о расказах Короленко «Турин и мы».

В другом письме, помеченном 24 июля 1918 г., А. М. Горький жалуется на нездоровье, мешающее ему выехать в Россию. Впрочем, писателя удерживало на Капри не только нездоровье, но и мысль о том, что в Петербурге ему придется встретиться с околоточными надзирателями, с «околоточниками», апостолами «нового искусства» и т. п.

«На днях», — пишет А. М., — получил от вас постыдную книгу: «Десятилетие ресторана «Вена». Литературно-художественный сборник. Это нечто вроде «Календаря писателей», но, пожалуй, еще пошлее. Сколько бестыдных развелось на Руси, — жуть берет!

И когда думаешь — надо ехать домой, то первым вопросом является: а как ты встретишься с этими? Отчаяние невольно будет.

Посмотрел я литературу «эпофутуристов», и, на мой взгляд, это прежде всего — не искренне, — это холодный расчет ингилистов, желающих во что бы то ни стало обратить на себя внимание и пожирать кусочек — хоть маленький! — сладкого пирога славы.

Глубокая горечь звучит в словах Горького, когда он рассказывает об изменениях, происшедших среди интеллигенции после революции 1905 года, о жалких и бездарных путях вырожденных российских «философов» «сказать свое слово в искусство», об охлаждении известной части русского общества к социальным вопросам.

«Сейчас здесь — русские экскурсанты, каждую неделю бывают две экскурсионки, по 50 человек слишком. Люди — со всех концов России, преобладают народ среднего достатка, народные учителя — в меньшинстве, иногда на всю группу из 6-8 человек. Все это публику я вижу и вижу: сильно изменился русский человек! И нехорош главный признак изменения, ибо это — общее всем понимание социального вопроса, социальное чувство. В Риме экскурсионки водят по музеям некто Грифидо, автор бездарной книжки «Три мыслителя» Мережковского, Розанов, Шестов. Он говорит сырым русским людям, что Рафаэль — бездарней, Венера Капитолийская — урод и прочее, что ныне принято. Слушают и восхищаются: как смело, как ново! А одна дама в ленточных чулках, строго поглядывая на меня в какой-то очень большой и уродливый ордер, спросила кислым тоном:

— Вы все еще не выдвинулись от этих социалистов?

Петербургская учительница любезно осведомилась:

— Вы еще пишете, или уже — перестали?

Подготовка к юбилею
Руставели

На президиум комиссии
СССР СССР

На заседании президиума руставелинской юбилейной комиссии ЦСР СССР состоялось 17 июня, выяснилось, что далеко не все писательские организации связаны с юбилейной комиссией.

Еще 7 июня комиссия обратилась в писательские организации Украины, Узбекистана и др. с просьбой сообщить, как у них идет подготовка к юбилею Руставели. Однако ответа на это обращение не поступило. Комиссия не знает, что делается на местах.

Из сообщения представителя союза советских писателей Украины поэта М. Баяна выяснилось, что кроме самого Баяна, автора перевода поэмы «Витязя в тигровой шкуре», никто из украинских поэтов Руставели не переводит. Нет на Украине и специалистов по грузинской литературе, которые могли бы сделать доклады о Руставели. О подготовке же докладчиков из своей среды ЦСР Украины не думает.

Лучше обстоит дело в Ленинграде. В работе юбилейной комиссии активное участие принимают академики И. А. Орбели. Над переводами работают поэты Спаский, В. Державин и др.

Выступивший на президиуме руставелинской комиссии Н. С. Тихонов указал на необходимость усилить обсуждение переводов Руставели и лучше из них рекомендовать для печати крайним и областным издательствам.

Задергая обсуждения переводов ставит под угрозу своевременный выпуск произведений Руставели.

Решено с 15 ноября организовать «Месячник Руставели» и поднять вопрос о выпуске юбилейной модели Руставели по образцу пушкинской.

Как и на первом заседании комиссии (см. «Л. Г.» от 10 июня), по инициативе председателя комитета по литературе ЦСР СССР А. Гобера.

«Счастливая книга»

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). К двадцатилетию Великой пролетарской революции Дом детской литературы по инициативе ленинградских школьников выпускает сборник детских произведений — «Счастливая книга».

Для сборника уже поступило более тысячи работ. Темы рассказов, очерков, стихов, написанных школьниками, разнообразны. Юные авторы пишут о своей родине, о вождах своей страны, о своих героях и друзьях, о своей счастливой жизни, о своих мечтах.

«Счастливая книга» будет иллюстрирована детскими рисунками.

В парторганизации
ЛОССП

«Литфронт» был агентурой правого левого дружиннического блока Сырцова — Ломинидзе в литературе.

Литфронт засосал в болото беспричинной групповщины немало честных литераторов, в том числе отдельных красноармейских, краснофлотских и рабочих литкружковцев.

Н. Свирида, один из руководителей Литфронта в Ленинграде, в своих выступлениях и теоретических статьях проводил литфронтские установки, которые сказались в его книге «Литература и война». Уже отойдя от Литфронта, т. Свирида не порвал старой связи с соратниками по Литфронту — Камегуловым, Майзельем и Гореловым, впоследствии оказавшимися врагами народа, и проливал их на ту или иную работу. Майзелья Свирида пригласил одним из руководителей Института искусствознания, несмотря на имеющиеся место возражения против призыва Майзелья в Институт искусствознания.

Совокупность всех этих ошибок ставила парторганизацию ленинградского отделения ЦСР вынести решение об исключении Н. Свириды из партии.

Парторганизация постановила вернуться к вопросу о Свириде через год.

А. МАКИН.

МУЗГИЗ ВЫПУСКАЕТ КНИЖКУ РОМЭН РОЛЛАНА

Музгиз готовит к печати собрание музыкально-исторических сочинений Романа Роллана под общей редакцией Д. Гачева и В. Левина.

В первом томе будет помещено самое раннее крупное музыкально-историческое сочинение Романа Роллана — «История оперы от Лолли и Скалатти». Это сочинение было докторской диссертацией великого писателя-музыканта.

В следующих томах будут помещены статьи и монографии о Бетховене, Гензеле, Моцарте, Глюке и других крупнейших композиторах, а также

статьи «Гете и Бетховен» и «Стендаль и музыка» и др.

Роман Роллан только что закончил вторую книгу о Бетховене, рукопись которой в ближайшие дни будет получена Музгизом.

Эта книга дает анализ творчества Бетховена в годы его расцвета (1816—1823 гг.). Первая книга, как известно, охватывает период от «Героической симфонии» до «Аппассионаты».

Все издание будет выложено в три тома: четвертый («Музыканты прошлых дней»), пятый («Музыканты наших дней») и том седьмой («Бетховен», книга 1-я).

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦИН.

ИЗДАТЕЛЬ: Журналино-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Пяслейский пер. д. 28, тел. 69-61.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-58-18 и 5-51-68.Изд-во «Известия ЦИК СССР и ВЦИК»
Москва, 6, Площадь Пушкина.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 2-е полугодие (июль — декабрь) 1937 г.

на ежемесячный и литературно-художественный и общественно-политический журнал

НОВЫЙ
МИР

(XIII год издания).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

583 периода. 24 р. 18 р. 9 р. 3 р.

Взношлите 24 р. 27 р. 13 р. 4 р. 30

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Изд-вом «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» — Москва, 6, площадь Пушкина, «Союзпечать», почтой, книжными магазинами, сбережательными кассами на предприятиях и на транспорте.

Заказы направлять по адресу: Москва, 47, 3-я Тверская-Ямская, № 7, Изд-во «Искусство» — «Книга-почтой».

Подобный каталог книг по театру и драматургии, изобразительным искусствам, кино и фото высылаются по требованию.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»

К годовщине смерти великого пролетарского писателя

Максима ГОРЬКОГО

выпущены следующие издания:

1. Двухтомный писем, содержащий все драматургическое писателя (15 писем: «Мещанин», «На дне», «Дачники», «Дети солнца», «Варвары», «Враги», «Поселенцы», «Судак», «Земляки», «Дети», «Старик», «Счастливая монета», «Горь Бульчич и др.», «Доктор Бульчич и др.», «Вася Железняков» — 2-й том).

Цена за 1 том в пер. 25 руб.

2. Вася Железняков (второй вариант). В серии «Самодельный театр» о революционном коммюнистическом эскадронном артисте Республики Е. В. Телешовой в статьях художников по оформлению спектакля.

Цена в пер. 2 р. 50 к.

3. «Горь Бульчич и другие». Режиссерский комментарий актеру, детскому артисту Б. В. Бахаву и статьи Ю. Юзюковской.

Цена в пер. 3 р.

Книги высылаются наложенным платежом без оплаты. Заказы направлять по адресу: Москва, 47, 3-я Тверская-Ямская, № 7, Изд-во «Искусство» — «Книга-почтой».

Подобный каталог книг по театру и драматургии, изобразительным искусствам, кино и фото высылаются по требованию.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1937 год
на журнал

КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

12 номеров в год

Журнал является основным источником информации о всей выходящей литературе для широкого партийного, советского и хозяйственного актива, преподавателей общественных дисциплин и т. д.

Журнал рассчитан на партийных, библиотечных, научных сотрудников, писателей, преподавателей и учащихся литературных вузов и техникумов, литературные кружки и на широкие слои партийного и советского читательского актива.

Подписная цена на 6 мес.—12 руб., 3 мес.—6 руб.

Цена отдельного номера — 3 руб.

Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, книжными, уполномоченными КОГЭП, Союзпечатью и почтой, а также в Главной Конторе КОГЭП — Москва, Маросейка, 7.

Государственное издательство «ИСКУССТВО»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ:

И. Е. РЕШИН — письма в Е. П. Тархановой-Антоновской и И. Р. Тарханову.

Под редакцией К. И. Чуковского. Вступительная статья и примечания И. А. Бродского и Я. Д. Липшицкого.

Стр. 116 и 117. Цена 4 руб.

В. А. СЕРОВ — «Переплетка».

Собрания о наиболее полнотой переписка В. А. Серова дает ясное представление о жизни выдающегося русского художника и о его творческом методе.

Стр. 440. Цена в пер. 10 руб.

В ближайшие время выходят из печати:

ИГОРЬ ГРАБАРЬ — «Моя жизнь».

В этой книге выдающийся деятель искусств художник Игорь Грабарь подробно рассказывает о своей жизни.

«Моя жизнь» является выдающимся документом истории русского искусства конца XIX и начала XX века. Будучи связан с огромным кругом художников и общественных деятелей, будучи сам художником, архитектором, музееведом, историком искусства, критиком, автором знаменитой книги о русском искусстве.

В автобиографии приложены: список произведений И. Грабаря, список его архитектурных сооружений, литературных работ, выставок с его участием, музей, в которых находятся его произведения, и список литературы о художнике.

Издание содержит 24 фотографий и 7 черновых выкладок и более 100 иллюстраций и текстов. Объем 24 пер. листа. Формат—4/32. Цена в роскошном переплете — 25 руб.

А. А. ЯБЛОЧКИНА — «Воспоминания» — Юбилейный сборник, посвященный пятидесятилетнему юбилею деятельности народной артистки Республики оркестронной А. А. Яблочниковой. Сборник содержит «Воспоминания» А. А. Яблочниковой, статью С. Кара-Мурзы — «Творческий путь А. А. Яблочниковой», очерк А. Ашанина — «А. А. Яблочникова в Всероссийском театральном обществе» и высказывания ряда народных и заслуженных артистов о творчестве и общественной деятельности Яблочниковой (В. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалова, В. А. Рыжов, Е. Д. Турчанинов и др.).

В книге имеется список ролей А. А. Яблочниковой. Сборник иллюстрирован 34 фото, изображающими А. А. Яблочникову в различных ролях. Цена в пер. 8 р. 50 коп.

И. Е. РЕШИН — «Далеко и близко».

Воспоминания и статьи под редакцией К. И. Чуковского. Воспоминания охватывают всю жизнь великого художника, рассказывают о детстве и юности, о первых шагах в искусстве, о встречах с огромным количеством художников, о работе над своими картинами и т. д.

Цена в пер. 15 руб.

Д. РОДИОНОВИЧ — «Репит».

Монографический очерк о жизни и творчестве великого русского художника.

28 репродукций о лучших работ, из них 2 цветные.

Книга написана популярным языком и доступна широкому кругу читателей. Цена в пер. 20 коп.

К. ДЕРЖАВИН — «Французская революция. 1789—1799».

Стр. 310+26 иллюстр. Цена в пер. 9 р. 50 к.

Книги высылаются наложенным платежом без оплаты.

Заказы направлять по адресу: Москва, 47, 3-я Тверская-Ямская, 7, Изд-во «Искусство».

Подобный каталог книг по театру и драматургии, изобразительным искусствам, кино и фото высылаются по требованию.

Беседа с М. Шолоховым

Несколько дней гостит в Москве Михаил Шолохов.

Он пришел на генеральную репетицию оперы «Поднятая целина» в Большой театр.

Премьеру «Поднятой целины» можающийся артист увидит в сентябре. К этому времени в спектакле будут исправлены все недочеты, ощущавшиеся на генеральной репетиции.

М. Шолохов в общем доволен постановкой его романа на оперной явине.

С музыкой И. Держанинского и с либретто Л. Держанинского писатель включился в процесс работы композитора и либреттиста над оперой. Но только теперь он получил полное представление о спектакле в целом.

— Я считаю, — говорит М. Шолохов, — что «Поднятая целина» больше удалась И. Держанинскому, чем «Тихий Дон». В новой опере он выступил, по-моему